

DOI: 10.22363/2618-8163-2018-16-4-412-427

УДК 81'42

Микрополя эмотивности: языковые проекции в русском художественном тексте

С.В. Коростова

Южный федеральный университет

Российская Федерация, 344006, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Статья посвящена одной из актуальных проблем современной русистики — языковым способам репрезентации функционально-семантического поля эмотивности в русской художественной прозе. Выявляются особенности вербализации микрополей эмотивности и их взаимодействия в семантической структуре художественного текста. Зоны эмотивности актуализируют эмотивно-оценочные смыслы текста, представляющие сложное ментально-чувственное образование, входящее в сферу диалогических отношений «автор—интерпретатор». Принцип обратной перспективы чувства, действующий в художественном повествовании, определяет существование эмоциональной эмпатии, которая способствует расширению личности интерпретатора. Эмоциональные ожидания интерпретатора предопределены развитием сценария ситуации, которая считается нормативной с позиции коллективного языкового сознания. Отклонение от нормы предполагает «эффект обманутого ожидания», продуцирующий эмоции интерпретатора.

Новизна исследования заключается в целостном анализе эмотивно-оценочных смыслов русского художественного текста, который предполагает комплексный подход, включающий определение репрезентативных и реактивных свойств эмотивных единиц русского языка, образующих особые микрополя в структуре функционально-семантического поля эмотивности. Сфера эмоций входит в ценностную картину ментального мира говорящего на русском языке и определяет многообразие языкового выражения эмоционально-оценочных смыслов, причем как эмоционально-аффективных, так и эмоционально-рациональных.

Взаимодействие функционально-семантических полей персональности, эмотивности, оценочности, интенсивности позволяет выявить эмотивную доминанту художественного текста, обнаружить механизм корреляции способов выражения эмотивно-оценочных смыслов и характера авторизации художественного текста. В ходе исследования эмотивных фрагментов произведений русских писателей XIX—XXI вв. были выделены типизированные компоненты микрополей эмотивности, характерные для текстов с разными формами повествования.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле эмотивности, импульсивность, эмотивная оценочность, прагматическая эмотивность, русский художественный текст

Введение

Люди, говорящие на одном языке, легко понимают вербализованные эмоции. Этот факт ученые объясняют тем, что эмоции языковой общности детерминированы социальными условиями и психологическими установками, коллективно освоены и определены опытом этноса.

Проблемы лингвистики эмоций, или эмотиологии, активно разрабатываются в работах отечественных лингвистов: в докторских диссертациях (Л.Г. Бабенко, С.Г. Воркачев, В.И. Жельвис, Н.А. Лукьянова, Ю.М. Малинович, О.Е. Филимонова, В.И. Шаховский, Л.А. Калимуллина, Л.Ю. Буянова и др.), многочисленных кандидатских диссертациях (И.В. Быдина, Я.А. Покровская, И.В. Томашева, С.В. Ионова и др.), а также в теории и практике лексикографии (Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян). Эмоциональный аспект языка связан с трудами зарубежных исследователей А. Вежбицкой, Дж. Эйчисона и др.

Большое количество работ, предметом исследования которых стали различные характеристики эмотивных единиц, еще не дает возможности утверждать, что в современной русистике эмотивный фрагмент языковой системы и речевой деятельности изучен в полной мере.

Анализ функционально-семантической категории эмотивности и средств ее актуализации представляется особенно актуальным в свете антропоцентрической парадигмы гуманитарных наук, в центре внимания которой оказывается человек говорящий и чувствующий. Проблема выражения и обозначения эмоциональных состояний в современном русском языке определяет одно из направлений лингвистики эмоций, непосредственно связанных с когнитивным и лингвокультурным подходами к объекту исследования.

Говоря о репрезентации эмотивности в речетекстовой деятельности, следует разграничить эмотивы как средства выражения эмоций и номинанты эмоций как знаки, обозначающие эмоциональное состояние индивидуума. Необходимость выделения двух нетождественных способов языкового представления эмоций предполагает уточнение содержания некоторых терминов эмотиологии. Сочетание «выражение эмоций» в этом случае приобретает узкое значение, поскольку под ним понимается спонтанное языковое проявление внутренних эмоциональных состояний в конкретной ситуации. Таким образом, эмотивная функция интерпретируется как имеющая речевой характер, а значит, отрицается ее языковая природа. Однако, признавая лишь речевую специфику эмотивной функции, мы тем самым ограничим объем вербальных репрезентантов эмоций, прежде всего речь идет о высказываниях, которые обозначают эмоции. Принимая во внимание изложенные в работах Л.А. Калимуллиной теоретические позиции (Калимуллина, 2003), мы также считаем целесообразным использовать термин «выражение эмоций» в широком смысле, понимая под ним разнообразные способы языкового маркирования данной сферы, как лексические, так и нелексические. Однако полагаем, что и те, и другие входят в качестве компонентов в эмотивное высказывание, которое и репрезентирует эмоциональное состояние говорящего. Следует признать, что некоторые номинанты эмоций в речи, в тексте (обычно в повествовании от первого лица) могут выполнять, сочетаясь с дескрипторами, функцию выражения эмоции, что вне контекста исключено.

Художественное пространство включает эмоции человека, его духовную сферу и апеллирует к эмоциональному потенциалу читателя. Как справедливо замечают авторы статьи, посвященной одному из речевых жанров: «Сила образа, передающего смысл и эмоции, состоит в его способности детализировать акту-

альную ситуацию речевого события» (перевод наш. — С.К.) (Kovtunen, Vylkova, Borisenko et al., 2018: 97). Литературная коммуникация предполагает эмоциональную реакцию, эмпатию как ответ на авторские намерения воплотить в тексте определенный взгляд на мир, на реальные отношения между людьми. В художественной коммуникации одним из условий диалогического взаимодействия является «способность читателя декодировать, т.е. распознавать и интерпретировать смысл созданного писателем текста. Эта способность определяется не только жизненным опытом, ценностными ориентациями, общей культурой интерпретатора, но и его эмотивной компетенцией, каузирующей эмоциональные реакции в процессе декодирования текста. На наш взгляд, именно эти реакции выступают основным маркером успешности художественной коммуникации. Художественное переживание — это высшая форма художественной рецепции, и только такое восприятие текста превращает художественное произведение в факт сознания реципиента» (Коростова, 2015: 116—117).

Идея «персоналистического дуализма», разработанная М.М. Бахтиным, позволяет рассматривать взаимоотношения эстетических категорий «автор» и «герой» как отражение взаимоотношений «я» и «другой» в реальной жизни. Свобода воли речевого субъекта, персонажа, вытекает из тех жизненно важных связей, которые предоставляют ему свободу выбора. Автор, оценивая эту альтернативу позитивно или негативно, относится к герою так же, как «я» относится к «другому»: «...в эстетическом событии мы имеем встречу двух сознаний, принципиально неслиянных, причем сознание автора относится к сознанию героя не с точки зрения его предметного состава, ...а с точки зрения его жизненного субъективного единства...» (Бахтин, 1979: 85).

Выявление эмотивно-оценочных смыслов русского художественного текста возможно тогда, когда исследователь занимает позицию «между смыслами», о которой пишет М.М. Бахтин: «Смысл потенциально бесконечен, но актуализоваться он может лишь соприкоснувшись с другим смыслом, чтобы раскрыть новые моменты своей бесконечности. Актуальный смысл принадлежит не одному, а только двум встретившимся и соприкоснувшимся смыслам. Не может быть «смысла в себе», он существует только для другого смысла, то есть существует только вместе с ним. Не может быть единого (одного) смысла. Поэтому не может быть ни первого, ни последнего смысла, он всегда между смыслами, звено в смысловой цепи, которая только одна может быть реальной» (Бахтин, 1979: 350).

Русская художественная литература, в силу более позднего формирования по сравнению с европейской, заставляет читателя удивляться окружающей действительности, осмыслить и прочувствовать каждое ее событие, в том числе и события внутреннего мира человека. Исследование русского художественного повествования как эмотивно-оценочного пространства, а также изучение языковых средств выражения эмотивно-оценочных смыслов в художественном дискурсе представляется актуальным не только в коммуникативно-прагматическом, но и в лингвокультурном аспекте.

Цель

Цель статьи — выделить и описать зоны (микрополя) эмотивности и представить типичные языковые средства репрезентации её функционально-семантического поля, зафиксированные в текстовом пространстве русских писателей XIX—XI вв.

Материалы и методы

Методологической базой исследования послужили принцип системности языка и идея о соотношении между языком и речью. Для реализации поставленной цели в работе использованы методы и приемы контекстуально-функционального анализа текста, гипотетико-индуктивный метод, интроспекция, а также интерпретативный подход к описанию разноуровневых языковых средств создания эмотивного художественного повествования.

Результаты

В статье рассматриваются способы актуализации категории эмотивности в художественном пространстве русского нарратива, представлена их типология. Анализ функционирования категории эмотивности в классических и постмодернистских текстах позволил выявить три основных микрополя эмотивности, а также исследовать функционально-семантические особенности языковых средств репрезентации микрополей в художественном тексте.

Соотношение в структуре оценки эмоционального и рационального является общим основанием выделения зон эмотивности в художественном тексте: 1) микрополе импульсивности, в котором репрезентация эмоций не соотносится с пропозициональным и коммуникативным содержанием высказывания; 2) микрополе эмотивной оценочности, где представление эмоций, сопровождаемое оценкой, сочетается с языковыми средствами выражения пропозиции; 3) микрополе прагматической эмотивности, связанное с выражением оценочности, сопровождаемой эмоциями говорящего, отраженное пропозициональным и коммуникативным содержанием высказывания. Конфликтные или предконфликтные ситуации, представленные в русской художественной прозе, являются условием выражения эмоций персонажем/повествователем и определяют возможность функционирования средств выражения микрополей эмотивности.

Обсуждение

В языке не существует такой грамматической категории, которая бы регулярно выполняла функцию выражения эмоций. Этот факт позволяет говорить о полицентричности как основном свойстве функционально-семантического поля эмотивности. «Полицентричность эмотивности, по нашему мнению, определяется существованием нескольких центров, зон эмотивности, функции и способы выражения которых зависят от соотношения в семантике языковых единиц эмоционального и рационального, интеллектуального» (Коростова, 2014: 45).

Большинство современных лингвистов признают существование в слове рационального и эмоционального компонентов. Очевидно, отделить смысловое от эмоционального в языке практически невозможно. Об этом пишет в одной из своих работ Г.В. Колшанский: «Поскольку высказывание всегда есть продукт мышления субъекта, оно изначально детерминировано как субъективный акт и по форме, и по содержанию. Познавательный акт уже по своей природе содержит так называемый оценочный момент, который и есть не что иное, как произведенная субъектом мыслительная операция над предметом высказывания... Оценка содержится повсюду, где происходит соприкосновение субъекта познания с объективным миром» (Колшанский, 1975: 142).

Логическая и эмоциональная доминанта речевого акта находится в центре внимания Шарля Балли, который представляет результат их неустойчивого равновесия: «...если та или иная доминанта окончательно вытесняет все противоположные элементы, то равновесие нарушается, в результате чего появляются две возможности: аффективное содержание поглощается логическим (что имеет место в предлогах, союзах, вспомогательных глаголах) или логическое содержание поглощается аффективным (междометия)» (Балли, 1961: 182—183).

Между этими доминантами существует пространство эмоционально-смысловых созначений, которые требуют специального научного рассмотрения. Как нам представляется, вопрос об «эмоционально-смысловых созначениях» может найти свое решение в процессе анализа художественного текста.

Исследование языковых способов актуализации функционально-семантического поля эмотивности в русском художественном тексте позволило выделить три основных микрополя. Первое — микрополе *импульсивности* — актуализируется в тексте с помощью аффективов/импульсивов, разноуровневых языковых средств, в семантике которых эмотивность выступает в качестве денотата. Импульсивы можно отнести к бессознательному, рефлексивному речевому действию, они, как правило, не учитывают адресованность речевого акта, его ориентацию на другого. К ядерным компонентам микрополя импульсивности относятся междометия, инвективы, эмотивные коммуникемы. На периферии микрополя находятся лексические эмотивы, фразеологизмы эмотивного характера, устойчивые сравнения.

Эмотивное высказывание, актуализирующее языковые средства выражения эмоционального состояния говорящего, в том числе импульсивы, отражает воспринимаемую ситуацию и ее эмоциональную оценку. Известный французский лингвист Жан Дюрен в одной из своих статей представил анализ языковых проекций эмоционального состояния субъекта речи. Ученому удалось выделить несколько сфер когниции, которые он обозначил как «когнитивные подмиры человека». Разработанная Дюреном концепция стереолингвистики дает возможность представить, как вербализуются эмоции разной степени интенсивности. Описанная им нолевая сфера когниции, сфера ситуационного тесно связана с выражением аффективных внутренних состояний: «...она в какой-то мере является “инфра-языковой”, она как будто существует до той парадигмо-синтагматической “игры”, которая со времен Соссюра считается самой существенной чертой явления “человеческая речь” с двойной артикуляцией (*double articulation*)»

(Дюрен, 2002: 274—276). Эмотивные коммуникемы типа *Держи карман шире!* или *Этого не хватало!* характеризуются автономностью сегментной части по отношению к супraseгментной, вследствие чего более значимой оказывается интонация, а не лексико-грамматическая структура. Нечленимые высказывания, реактивы (по типологии Г.А. Золотовой, 2004), оказываются наиболее близки some (телу) говорящего, выражают его импульсивную реакцию, при этом они не имеют отношения к логическому мышлению. Однако следует признать, что актуализация микрополя импульсивности не исключает определенного оценочного момента, поскольку любая эмоциональная реакция на ситуацию включает операцию оценки: человеку свойственно эмоциональное мышление, «эмоциональный интеллект» (термин Д. Гоулмана, 2009). Сознание способно «пропускать мир через себя» (Телия, 1986: 109), что предопределило необходимость эмоций как реакций на этот мир, желательных или нежелательных, заслуживающих одобрения или порицания.

Микрополе *эмотивной оценочности* представлено языковыми средствами, в семантике которых преобладают эмотивно-оценочные коннотации. Рациональная, логическая оценка в семантической структуре эмотива определяется его прагматикой: моментом выбора того или иного актуализатора микрополя, ориентированного на составляющие эмоциогенной ситуации. В центре микрополя находятся бранные слова, лексические эмотивы просторечного и разговорного характера (типа *балдеть*, *братан* и т.п.) и эмотивные синтаксические конструкции, в частности эмотивно-оценочные коммуникемы, а также риторические восклицания с частицами «какой», «как» типа *Какой прекрасный спектакль! Как пахнут розы!*

Микрополе *прагматической эмотивности* включает такие компоненты, в семантике которых доминирует рациональное оценочное начало. Эмотивные коннотации компонентов микрополя определяются диалогическим характером коммуникации, в частности, эмоциогенностью предшествующей реплики, целью говорящего воздействовать на собеседника. Ядерная зона, как правило, представлена восклицательными и вопросительными предложениями, энантиосемичными конструкциями, «нечленимыми предложениями непонятной семантики, в которых преобладает интеллектуальное, рациональное начало, сопровождаемое информацией о психическом состоянии говорящего» (Коростова, 2010: 99) (например: *Лучше не спрашивай(-ть). Выражение негативной оценки, неодобрительного отношения и т.п. — Как у тебя дела? — Да лучше не спрашивать!* (Меликян, 2001: 121)). Периферия микрополя включает обращения разговорного характера, лексические и синтаксические повторы, парцеллированные конструкции.

Микрополя эмотивности в речетекстовой деятельности пересекаются друг с другом, периферийные средства актуализации одного поля становятся ядерными компонентами другого в зависимости от интенционала и сигнификативного плана семантики самого эмотива.

В художественном тексте находит свое отражение и категория экспрессивности, поэтому представляется значимым вопрос о разграничении категорий эмотивности и экспрессивности. В речи любое высказывание становится более или

менее эмотивным, поскольку оно выражает субъективное отношение говорящего. При этом различие между экспрессивностью и эмотивностью определяется следующей корреляцией: эмотивное высказывание может не быть экспрессивным, т.е. преднамеренно, осознанно выбранным с целью усиления выразительности. В живом общении, в разговорной речи именно намерение говорящего воздействовать на собеседника становится критерием разграничения экспрессивности и эмотивности. Кодированная экспрессия всегда осознанна, а эмоция довольно часто имеет неосознанный характер.

По мнению психологов, экспрессивность является экстравертным явлением, при этом подразумевают воздействие говорящего на реципиента, а эмоциональность — интровертным, в этом случае идет речь о реакции говорящего или адресата на внешние и внутренние раздражители. Пересечение категорий экспрессивности и эмотивности возможно, если эмотивное сознательно превращается в экспрессивное. При кодировании исходной позицией является эмотивность, которая выражается в высказывании, вызывающем экспрессию, а при интерпретации — экспрессивность, которая вызывает эмоциональное переживание.

В процессе создания эмотивного высказывания на основе эмоции автора (эмоция 1) возникает его экспрессия (экспрессия 1), т.е. автор вербализирует душевные переживания, направляя их на объект воздействия. «В процессе декодирования реципиент дешифрует, раскрывает экспрессию автора (экспрессию 1), превращает ее в свою экспрессию (экспрессия 2) и на основании ее создает собственную эмоцию (эмоция 2), скажем, начинает восхищаться, радоваться, грустить и т.п.» (Тошович, 2006: 19).

Речевой акт эмотива (экспрессива, реактива), основной целью которого является выражение эмоций, может не предполагать существование адресата или быть направленным на виртуального собеседника. В этом случае негативные или позитивные эмоции формируют аутокоммуникацию как реакцию на ситуацию, например: «...Он удивлялся, глядя на сына, удивлялся наивно и простовато. И, приближаясь к истине примитива и к вере, даже добродушно не усмехался над собой, думая такие, например, вещи: *откуда он взялся такой? Живой, и все у него уже есть? И руки, и глаза, и даже уши? И на него, отца, похож?*» (А. Битов. Жизнь в ветреную погоду).

Микрополе импульсивности в художественном тексте, в диалоге часто репрезентируется благодаря междометиям, представляющим собой специализированные средства выражения эмоций. Например:

«— А с лица как?

— С лица-то? Желтая. Глаза тусменныи, — небось, не сладко на чужой сторонешке. А ишо, бабоньки, ходит-то она... в Прокофьевых шароварах.

— Ну-у?.. — ахали бабы испуганно и дружно» (М. Шолохов. Тихий Дон. Ч. 1. Гл. I)

Специфика междометия заключается в том, что его основным, денотативным значением является эмотивность. Кроме того, междометие, как правило, полисемично, значение его определяется контекстом, ситуацией речи. Рассматривая междометные высказывания как единицы дискурса малых форм, С.Э. Носкова

пишет: «Анализ семантической структуры междометия ограничивается выделением системного, или обобщенного, значения, представленного как совокупность дифференциальных значений (например, эмоционально-оценочного междометия со значением осуждения, удивления, радости, одобрения и т.п.), абстрагированных от их практического применения говорящим субъектом в речевом общении» (Носкова, 2006: 16).

Анализируя малые формы дискурса в русском и немецком языках, С.Э. Носкова называет междометиями конструкции, которые могут быть квалифицированы и как нечленимые предложения, или коммуникемы (коммуникативы), (типа *Ишь (ты)! Туда ему и дорога!*), а также предложения, относимые другими лингвистами (Е.А. Земская, А.Е. Зайцев, Н.О. Григорьева) к высказываниям с полифункциональными служебными словами (типа *Чтоб тебе (ему) пусто было! Чтоб тебе ни дна ни покрывки!* и т.п.). Исследователь справедливо полагает, что междометия, а также коммуникемы, фразеосхемы, фразеологические единицы способны функционально заменять высказывания, состоящие из знаменательных слов, причем все они принадлежат диалогической системе речевого общения «говорящий — слушающий», «автор — интерпретатор». Междометия, входящие в микрополе импульсивности и вступающие в отношения синонимии и полисемии, обычно выражают такие эмотивно-оценочные смыслы, которые нельзя передать другими словами, однако говорящий уверен, что окружающие его поймут.

Эмотивность заключена в денотативном значении восклицательных предложений, предназначенных для выражения эмоций и оценок. Восклицательная интонация характерна для энантиосемичных высказываний, в которых коннотативные смыслы появляются на основе существования в одном контексте двух противоположных значений, причем они воспринимаются одновременно. В результате создается эффект «двухголосого слова», передающего модус иронии: *Смотрите, какой он смелый!* (не смелый, а трусливый).

Негативная оценка события или адресата, которую имплицитно содержат эмотивные высказывания, способствует развитию энантиосемичного значения. Скрытый смысл декодируется благодаря контексту. Особая интонация, сопутствующая «двухголосому» слову, маркирует иронию в подобных высказываниях. Однако интонация может самостоятельно передавать ироническое отношение к ситуации. Как правило, говорящий знает социальный статус и индивидуальные характеристики собеседника, что позволяет ему выразить ироническое значение энантиосемичного высказывания.

Денотативное значение эмотивности в лексике может быть представлено словообразовательными элементами, которые коррелируют с соответствующими нейтральными вариантами: *papa (nanуля, nanочка) — отец*. Слова *радость, идиот* и подобные не могут быть отнесены к узуальным эмотивам: они не имеют нейтрального варианта, выражая не эмоции, а понятия. В эмотивном контексте в семантике лексем могут появиться коннотативные элементы (ср. «*Агейка раз да взвизнул, но понятно, что не от испуга, а от радости. И одно в этой радости было плохо — быстро кончилась*» (В. Крапивин. Бриг «Артемид»). — *Радость-то какая! С какой это радости?*).

Эмотивно-оценочные глаголы, формирующие предикативные центры эмотивного высказывания, актуализируют в тексте микрополя эмотивной оценочности и прагматической эмотивности. Эмотивно-оценочное отношение говорящего представлено в высказывании двумя видами модальности. Собственно-оценочное значение определяется денотативно-оценочной модальностью, эмотивно-оценочная модальность, связанная с ассоциативным мышлением субъекта речи, имеет в своей основе внутренний образ, формируемый в сознании на основе сравнения. Денотативно-оценочная модальность составляет лексическое значение слова, а эмотивно-оценочная относится к сфере коммуникации, прагматики. В центре оценочного действия лежит отношение «я» к «другому», к эмоциогенной ситуации. В.Н. Телия называет эмотивно-оценочную модальность «непременным компонентом коннотации» (Телия, 1986: 21—26).

Языковая картина мира, представленная в русском художественном тексте, имеет в своей основе определенную систему оценки, прежде всего связанную с ценностью самого акта коммуникации, отношения субъекта речи к адресату. Оценочность такого рода типична для многих других культур, поэтому ее можно считать универсальной. Противопоставление «я — другой», которое лежит в основании оценки, отражает разделение мира на «свой» и «чужой». В коммуникации, в том числе и литературной, такая оппозиция соотносима с иницирующим субъектным началом и рефлексивным объектным. Оценочные предикаты, обозначающие действие или состояние, реализуют субъектную перспективу высказывания. Однако человек воспринимает и эмоционально оценивает не все явления окружающего мира, но только те события, которые значимы для него в социокультурном плане, либо те ситуации, которые осмысливаются в коллективном сознании социума как отклонения от нормы, стереотипа поведения, например: «*Андрею тогда на политику было **наплевать**, он воображал себя поэтом, **кутил**, восторгался кипарисами и возникающими тогда “климатическими ширмами” Ялты, **таскался** по дансингам за будущей матерью Антона Марусей Джерми, и всюду, где только ни встречался с Юркой, слегка над ним посмеивался*» (В. Аксенов. Остров Крым).

Синтаксическим центром высказывания является предикат, в роли которого в художественном тексте, в речи часто выступает эмотивно-оценочный глагол. Семантическая структура русского оценочного глагола включает коннотацию как эмотивно обусловленный компонент, возникающий в процессе субъективно-оценочного восприятия и отражения действительности.

В русском художественном тексте функционируют типичные синтаксические конструкции, предназначенные для выражения эмоционального состояния субъекта речи — персонажа или повествователя. Наиболее частотны вопросительные предложения, занимающие особое место среди других синтаксических средств, репрезентирующих зоны эмотивности, поскольку они продуцируют значимые с точки зрения языковой картины мира эмотивно-оценочные смыслы в русском нарративе.

Функциональная семантика вопросительной конструкции может определять эмотивность высказывания, если оно выражает спонтанную эмоциональную ре-

акцию говорящего, характеризуя микрополе импульсивности. К подобным вопросительным по форме предложениям относятся коммуникемы типа *С какой стати (радости)? С чего бы это? Да что же это ты? Чего, совсем уж?* Известный исследователь нечленимых предложений В.Ю. Меликян дает следующую характеристику данным конструкциям: «значение коммуникем формируется на базе объективного и субъективного аспектов категории модальности, т.е. они всегда выражают объективно-субъективное отношение говорящего к фактам реальной действительности» (Меликян, 2001: 13).

Синкретичная семантика коммуникем связана с общей тенденцией развития асимметрии языкового знака, что выражается в несовпадении плана выражения и плана содержания при актуализации вопросительной конструкции в эмотивном дискурсе. Именно это противоречие объясняет тот факт, что в семантической структуре вопросительного по форме высказывания появляются дополнительные эмотивно-оценочные смыслы, влияющие на изменение его прагматики.

«— *Приехали, — иронично сощурилась Катя. — С какой это радости нам худеть? — Не с какой, а для какой, — продолжала Школьникова. — У нас в школе намечается конкурс красоты*» (А. Иванов, А. Устинова. Загадка «Черной вдовы»).

В представленном диалоге обыгрывается один из компонентов нечленимого предложения, выражающего недоумение, неодобрение как эмоциональную реакцию на содержание предшествующей реплики.

К эмотивным высказываниям может быть отнесен и риторический вопрос, который в лингвистике имеет статус имплицитного утверждения или отрицания. Риторическое высказывание, как показывает исследование русских художественных текстов XIX—XXI вв., актуализирует в тексте микрополе прагматической эмотивности, причем в классической литературе оно доминирует среди других синтаксических конструкций, предназначенных для выражения эмоций. Например:

«— *Это что в руках у тебя? А! Французские слова русскими буквами — ухитрился! Такому болвану, дураку набитому, в руки дается — не стыдно ли, Гаврила? — вскричал я, в один миг забыв все великодушные мои предположения о Фоме Фомиче, за которые мне еще так недавно досталось от господина Бахчеева.*

— *Где же, батюшка, — отвечал старик, — где же он дурак, коли уж господами нашими так управляет?»* (Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели).

Особенность анализируемых конструкций заключается не столько в существовании переносных значений, которые обнаруживаются и в риторическом вопросе, сколько в том, что эмотивное высказывание совмещает вопросительную и оценочную семантику, причем эмотивно-оценочное значение становится доминирующим. Следует признать условия эмоциональной ситуации, интенции субъекта речи факторами, определяющими эмотивно-оценочный смысл высказывания. Интонационный рисунок подобных предложений свидетельствует о своеобразном «разыгрывании» художественного диалога, в котором в вопросительной синтаксической конструкции обнаруживаются скрытые значения.

М.В. Никитин называет вопросительные по форме структуры косвенными речевыми актами и считает, что прямое коммуникативное значение синтаксической структуры может вступить в намеренный конфликт с контекстом и ситуацией речи, вследствие этого прямое значение структуры взаимодействует со смыслом, навязываемым «конситуацией речи». Это взаимодействие и позволяет выявить истинный смысл эмотивного высказывания, который, по мнению ученого, «образуется посредством импликаций из прямого смысла высказываний при его соотнесении с контекстом и ситуацией речи» (Никитин, 1988: 140). По нашим наблюдениям, вопросительные конструкции в диалогах персонажей русской прозы выражают преимущественно удивление, неодобрение, возмущение или негодование, т.е. различные негативные реакции на конфликтную или предконфликтную ситуацию.

Типичными для микрополя эмотивной оценочности следует признать лексический и синтаксический повторы. Повторы в диалогах персонажей маркируют реакцию говорящего на эмоциогенную ситуацию, в том числе и речевую, например:

«— Успокойся, Елена, к ней нельзя, — говорил я. — **Она тебя замучает; она тебя погубит...**

— **Пусть погубит, пусть мучает,** — с жаром подхватила Елена, — не я первая; другие и лучше меня, да мучаются!» (Ф.М. Достоевский «Униженные и оскорбленные»).

Лексические и нелексические эмотивы функционируют как маркеры микрополей эмотивности в особом коммуникативном типе — эмотивном высказывании, в смысловой структуре которого эмотивный компонент занимает основную позицию.

Функционально-семантическое поле эмотивности, репрезентируемое в русском художественном тексте разноуровневыми языковыми средствами, представлено системой микрополей, включающих эмотивы, выражающие переживания говорящего, в той или иной мере соотносимые с логическим мышлением. Потенциально эмотивные языковые единицы, используемые в речетекстовой деятельности, приобретают эмотивные приращения смысла, что является косвенным показателем «виртуальных эмотивных сем семантики языковых единиц» (Шаховский, 2008: 10). Действительно, представленные в русских художественных текстах конфликтные или предконфликтные речевые ситуации могут порождать потенциальные эмотивные семы языковых единиц, которые становятся основой для новых эмотивных валентностей, что говорит «о бесконечности состава речевых, т.е. некодифицированных эмотивов (эмотивно окрашенных единиц), базой которых является потенциальная бесконечность и открытость лингвистических множеств» (Шаховский, 2008: 10—11).

Заключение

Функционально-семантическое поле эмотивности актуализируется в речи персонажа/повествователя русского художественного текста, при этом установление оценочного характера представленной эмотивной ситуации связано с интенцией

адресанта, порождающего высказывание, и восприятием эмотивного высказывания адресатом. Эффективность литературной коммуникации определяется общими фоновыми знаниями ее участников об эмотивной ситуации и об аксиологическом статусе языковых единиц, которые вербализуют эмотивно-оценочные смыслы, исходящие от автора-повествователя и интерпретируемые читателем.

Специфика функционально-семантического поля эмотивности в отсутствии четких границ. Отсюда возможность корреляции с актуализаторами других функционально-семантических полей — экспрессивности, интенсивности и оценочности. Ядерные компоненты поля — аффективы — маркируют микрополе импульсивности (междометия, инвективы, бранные слова, частицы и т.п.), их основной функцией является выражение эмоций. Однако в языке обнаруживаются лексические единицы и предложения, в которых эмотивно-оценочная семантика «наслаивается» на дескриптивную (лексемы типа *ляпнуть*, *пьянчуга* и т.п., а также интонационные модификации синтаксических моделей, коммуникемы). Эти языковые единицы формируют микрополе эмотивной оценочности, в котором, помимо эмоционального, есть и рациональное, логическое начало.

Воздействующая функция является основной для микрополя прагматической эмотивности, а дополнительная функция заключается в выражении собственных переживаний говорящего. Очевидно, многие эмотивы данного микрополя выражают одновременно и экспрессивность (восклицательные и вопросительные конструкции, энантиосемичные высказывания, разного рода повторы).

Периферия функционально-семантического поля эмотивности представлена языковыми единицами, которые обладают потенциальной эмотивностью, актуализирующейся в контексте. Стремление автора создать эмоциональный портрет персонажа в диалогах и повествовательной ткани художественного текста способствует реализации эмотивного прагматического потенциала языковых единиц. В русском классическом художественном тексте все зоны эмотивности, как правило, распределяются в диалогах персонажей, причем это характерно как для третьеличного, так и для перволичного повествования. В авторской зоне третьеличного нарратива функционируют преимущественно средства репрезентации микрополя прагматической эмотивности.

В повествовании от третьего лица, используя прием «отстраненности», автор поручает эмоциональные оценки персонажу. В современном художественном повествовании от третьего лица, как и в классических текстах XIX в., микрополе импульсивности актуализируется преимущественно в диалогах персонажей. Однако для повествования от первого лица типичным для современной постмодернистской прозы можно считать взаимодействие средств выражения всех микрополей эмотивности как в речи героев, так и в авторском повествовании.

Языковая свобода, отсутствие внешнего цензора определяют высокий уровень разговорности языка в современной литературе, что связано и с полисубъектностью повествования. Микрополя эмотивной оценочности и импульсивности типичны для авторского повествования от первого лица. Современные прозаики часто используют сниженную грубопросторечную лексику и бранные слова не

только в диалогах персонажей, но и в авторском повествовании. Повествователь-рассказчик в перволичном нарративе является частью изображаемого мира и в создании текста следует установке не столько на достоверность излагаемых событий, сколько на достоверность эмоций.

Список литературы

- Балли Ш.* Французская стилистика. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 394 с.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект / пер. с англ. А.П. Исаевой. М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2009. 478 с.
- Дюрен Ж.* О стереолингвистике // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: сборник статей, посвященный юбилею Галины Александровны Золотовой. М.: Эди-ториал УОСС, 2002. С. 274—276.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка / под общ. ред. Г.А. Золотовой. М.: 2004. 544 с.
- Калимуллина Л.А.* К вопросу о языковой дифференциации эмоций // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11—13 декабря 2003 г.): труды и материалы: в 2 т. / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. Т. 1. С. 148—150.
- Колшанский Г.В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. 231 с.
- Коростова С.В.* Поле эмотивности: структурно-семантическая типология микрополей // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2010. № 3. С. 98—108.
- Коростова С.В.* Эмотивно-оценочные смыслы в русском художественном тексте: монография / Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2014. 224 с.
- Коростова С.В.* К вопросу об эмотивности и эмоциогенности русского художественного текста // Филология и человек. 2015. № 3. С. 115—121.
- Меликян В.Ю.* Словарь: эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. М.: Флинта; Наука, 2001. 240 с.
- Никитин М.В.* Основы лингвистической теории значения: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1988. 168 с.
- Носкова С.Э.* Прагматика дискурса малых форм. М.—Тверь: ИЯ РАН; ТвГУ; ТГСХА, 2006. 193 с.
- Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
- Тошович Б.* Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков. М.: Языки славянской культуры, 2006. 561 с.
- Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 208 с.
- Kovtunen I.V., Bylkova S.V., Borisenko V.A., Minakova N.A., Rogacheva V.I.* Interview as a genre of new media communication: rhetorical relations and pragmatic effects // *XLinguae*. Vol. 11. Issue 2. April 2018. Pp. 95—105.

© Коростова С.В., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статья:

Дата поступления в редакцию: 12.02.2018

Дата принятия к печати: 24.07.2018

Для цитирования:

Коростова С.В. Микрополя эмотивности: языковые проекции в русском художественном тексте // Русистика. 2018. Т. 16. № 4. С. 412—427. DOI: 10.22363/2618-8163-2018-16-4-412-427

Сведения об авторе:

Коростова Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Южного федерального университета. *Сфера научных интересов:* эмотиология, когнитивная лингвистика, функциональный и семантический синтаксис русского языка, концептология, лингвокультурология. В научных изданиях России, Польши, Болгарии, Германии, Латвии, Украины опубликовано более 100 работ, в т.ч. две монографии по проблемам эмотивности русского художественного текста. *Контактная информация:* svetolen@yandex.ru

Research article

The microfields of emotivity: language projections in Russian artistic texts

Svetlana V. Korostova

Southern Federal University

105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation

The article deals with an actual issue of modern Russian philology — linguistic means representing the functional-semantic field of emotivity in Russian artistic texts. It identifies the specific verbalization of the fields of emotivity, as well as their interactions in the semantic structure of an artistic text. The zones of emotivity actualize emotive-evaluative meanings of a text — complex mental and sensual units in “author—interpreter” dialogical relationships. The principle of reversed perspective of feelings in an artistic text creates emotional empathy that broadens the personality of the interpreter. Emotional expectations of the interpreter are pre-determined by the development of the situation scenario which is considered normative from the point of view of collective linguistic consciousness. When the norm is abused, it produces the “effect of frustrated expectations” that forms the interpreter’s emotions.

The novelty of the research lies in the fact that the emotive-evaluative meanings of Russian artistic text are analyzed in their integrity. The complex approach includes determining the representative and reactive qualities of the emotive units of the Russian language that create specific microfields in the structure of the functional-semantic field of emotivity. The emotional sphere is a part of the system of values in the mental world of a Russian language speaker, that is why there exists a variety of means used to express emotional-evaluative meanings, both emotional-affective and emotional-rational ones.

Interaction of functional-semantic fields of personality, emotivity, evaluativeness, intensity helps determine the emotive dominant idea of a certain artistic text, find out how the means of expressing emotive-evaluative meanings correlate with the character of authorization of an artistic text. The research of emotive fragments in the texts of Russian writers of the XIX—XXI centuries singled out typical components of the microfields of emotivity which are specific for the texts with different forms of narration.

Keywords: Functional-semantic field of emotivity, impulsiveness, emotive evaluativity, pragmatical emotivity, Russian artistic text

References

- Balli, S. (1961). *Frantsuzskaya stilistika [French Stylistics]*. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury Publ. (In Russ.)
- Bakhtin, M.M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva [The Aesthetics of Verbal Creativity]*. Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.)
- Goulman, D. (2009). *Emotsionalnyi intellect [Emotional Intelligence]*. Moscow: AST Publ.; Vladimir: VKT Publ. (In Russ.)
- Duren, Zh. (2002). *O stereolingvistike. Kommunikativno-smyslovye parametry grammatiki i teksta [About Stereolinguistics. Communicative-Notional Parameters of Grammar and Text]*. Moscow: Editorial UOSS Publ. (In Russ.)
- Zolotova, G.A., Onipenko, N.K. & Sidorova, M.Yu. (2004). *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka [Communicative Grammar of the Russian Language]*. Moscow. (In Russ.)
- Kalimullina, L.A. (2003). *K voprosu o yazykovoii differentsiatsii emotsii*. II Mezhdunarodnye Boduenovskie chteniya: Kazanskaya lingvisticheskaya shkola: traditsii i sovremennost' [To the Question of Linguistic Differentiation of Emotions. The Second International Readings of Boduen: Kazan Linguistic School: Traditions and Modernity]. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta Publ. (In Russ.)
- Kolshanskii, G.V. (1975). *Sootnoshenie subjektivnykh i objektivnykh faktorov v yazyke [The Correlation of Subjective and Objective Factors in a Language]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Korostova, S.V. (2010). Pole emotivnosti: strukturno-semanticheskaya tipologiya mikropolei. *Izvestiya JuFU. Filologicheskie nauki [The Field of Emotivity: Structural-Semantic Typology of the Microfields]*. Rostov-on-Don. (In Russ.)
- Korostova, S.V. (2014). *Emotivno-otsenochnye smysly v russkom khudozhestvennom tekste [Emotive-Evaluative Meanings in Russian Artistic text: monograph]*. Rostov-on-Don: Yuzhnyi federal'nyi universitet Publ. (In Russ.)
- Korostova, S.V. (2015). K voprosu ob emotivnosti i emotsiennosti russkogo khudozhestvennogo teksta. *Filologiya i chelovek [To the Question of Emotivity and Emotiogeny of Russian Artistic Text. Philology and Man]*. Barnaul: Altayskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russ.)
- Melikyan, V.U. (2001). *Dictionary: Emotional-Expressive Figures of Speech*. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ. (In Russ.)
- Nikitin, M.V. (1988). *Osnovy lingvisticheskoi teorii znacheniya: ucheb. posobie [The Basics of the Linguistic Theory of Meaning: textbook]*. Moscow: Vyssh. shkola Publ. (In Russ.)
- Noskova, S.E. (2006). *Pragmatika diskursa mal'nykh form [The Pragmatics of the Small Forms of Discourse]*. Moscow—Tver': Ija RAN Publ.; TvGU Publ.; TGSFA Publ. (In Russ.)
- Teliya, V.N. (1986). *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinits [The Connotative Aspect of the Semantics of Nominative Units]*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)

- Toshovich, B. (2006). *Ekspressivnyi sintaksis glagola russkogo i serbskogo/khorvatskogo yazykov* [The Expressive Syntax of the Verb in Russian and Serbian/Croatian Languages]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ. (In Russ.)
- Shahovskii, V.I. (2008). *Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka* [The Categorization of Emotions in the Lexical-Semantic System of the Language]. Moscow: LKI Publ. (In Russ.)
- Kovtunen, I.V., Bylkova, S.V., Borisenko, V.A., Minakova, N.A. & Rogacheva, V.I. (2018). Interview as a Genre of New Media Communication: Rhetorical Relations and Pragmatic Effects. *XLinguae*. 11(2).

Article history:

Received: 12.02.2018

Accepted: 24.07.2018

For citation:

Korostova S.V. (2018). The microfields of emotivity: language projections in Russian artistic texts. *Russian Language Studies*, 16(4), 412—427. DOI: 10.22363/2618-8163-2018-16-4-412-427

Bio Note:

Korostova Svetlana Vladimirovna, PhD, Associate Professor of the Department of Russian Language of the Southern Federal University. *Research interests*: emotiology, cognitive linguistics, functional and semantic syntax of the Russian language, conceptology, cultural linguistics. She has more than a 100 works published in the scientific titles of Russia, Poland, Bulgaria, Germany, Latvia, Ukraine, including two monographs on the problems of emotivity in the Russian literary text. *Contact information*: svetolen@yandex.ru